

О НЕКОТОРЫХ ЧЕРТАХ ФИЛОСОФИИ ЧЕЛОВЕКА В ЛИРИКО-ФИЛОСОФСКОМ ЦИКЛЕ Ю. ШЕСТАЛОВА «ТОРУМ. НЕБО. ЗВЕЗДЫ...»

Культурная и гносеологическая ценность творчества каждого большого писателя определяется его вкладом в развитие важнейшего знания — знания о месте, занимаемом человеком в окружающем его мире. Поэтому основу любой художественной картины мира составляет авторская философия человека, определяющая и особенности как структуры, так и языка произведения. В этом отношении для региональной литературы особозначим лирико-философский цикл Ю. Шесталова «Торум. Небо. Звезды...», отражающий уникальные авторские представления об устройстве мира, источником, сущностью и итогом которого является *Торум* — Высший разум, Бог, Вселенная, Природа, Мироздание: *Торум — космос. / Торум — сияние. / Торум — дыхание. / Торум — дух.* Являя собой мировую душу, будучи материей и энергией всего сущего, Торум (*макрокосм*) у писателя относится к человеку (*микрокосм в макрокосме*) и как целое к части, и как состоявшееся к потенциальному, и как мироздание к самому себе: *В микрокосме-Человеке, в мыслящем индивиде, в орнаменте, в голограмме космоса закодирована информация всей Вселенной... Природа сконцентрировала свои потенции в сжатом виде в тебе, простой человек. Ты не простой человек...* Утверждая подобное единство, художник неизбежно приходит к ощущению глубокой внутренней противоречивости человека, с одной стороны, стремящегося реализоваться в своей божественной сущности, а с другой — намеренно избегающий открытия в себе этой сущности — сравним: *В муках земной казни / просыпается во мне Торум, / Бог мой неземной... и Однонаправленность, / одномерность мышления / философии Ньютона / лишают меня сакрального, / убивают во мне Сократа...* Дисбаланс между многомерностью (бездонностью) души и одномерностью материалистического сознания, заведомо ограничивающего человека не только в духовных и нравственных, но и в собственно научных исканиях становится особенно болезненным в сфере быта, в материальной повседневности, привязывающей сознание к миру вещей и прямых зависимостей. В контекстах, проявляющих этот дисбаланс, человек становится образом сложности мироздания. Бытие человека в Торуме мыслится как активный разум, не исключающий духовности, стремящийся к познанию иных, субфизических законов мира.

Одна из возможностей такого познания представлена в образе смерти, трансцендентного перехода, что соответствует как языческим фольклорным традициям, так и единобожеским постулатам: *Умру — откроется космос / неземной Погоды, / Гармония свободы.* Особенным, не обусловленным традициями является авторское безоценочное отношение к собственной смерти как очередному этапу бытия. Смерть становится, наряду с освоением космоса и ресурсов собственного тела и разума, только одной из возможностей выхода на просторы Вселенной. Свобода

изменять сущность и форму относит шесталовского человека к миру, скорее, энергии, чем материи. Этим деактуализируется одна из ключевых идей религиозной философии — идея телесной бренности в духовной вечности.

В сказанном выше, на первый взгляд, проявляется близость философии Шесталова экзистенциальному миропониманию. Однако человек у поэта не является переходной ступенью к богочеловеческому: он божествен и космичен изначально — уже в силу его земной принадлежности (*существо космическое, существо солнечное, земное, планетарное*). Он слепой и/или спящий, но прозрение и пробуждение в себе Торума — его собственная задача, обусловленная потребностью стать тем, для чего был создан: творцом новых миров. Только таким образом понимается единение личности со вселенским Разумом и Сердцем — с Торумом. Будучи творцом, Шесталов почитает одним из условий творчества осознание себя как самостоятельной личности, которая, тем не менее, именно своей потребностью творить оказывается соединенной с Абсолютом, становится его *радиоприемником, трансформатором и передатчиком*. Философия науки у Шесталова не соотносима с техномистицизмом. Техническая терминология — следствие глубоко научного сознания автора. Поэтому его человек, несмотря на отвержение материалистического знания, предстает верующим, но не религиозным, так как только свободное от ограничений, в том числе накладываемых религиозностью, сознание способно воспринимать многоплановость мира. Источником веры становится осознание бесконечности мира и, следовательно, безграничности самого познания как формы и условия взаимодействия человека с мирозданием. Именно это служит основой неприятия одномерности материалистического познания, понимаемого как примитивизация зависимостей между явлениями жизни. Таким образом, один из основных критериев человечности для поэта — свобода сознания от догматизма. Наука при этом предстает не как опровержение, а как способ обоснования веры, переводя интуитивное знание в область сознательного.

Отметим, что осознаваемая поэтом одухотворенность мироздания не противоречит глубокой научности Шесталова-ученого. Совмещая в себе исследователя, художника, философа и общественного деятеля, (во многих отношениях — деятеля-миссионера, просветителя), Юван Шесталов не дифференцирует формы познания, гармонично объединяя в своем отношении к миру науку, философию, веру и искусство, не упрощая и не определяя какими бы то ни было принципами взаимодействия их органическую целостность, единство. Ощущение единства Торума — Бога-Человека-Вселенной-Природы-Земли — в бесконечной множественности его проявлений является основой авторской картины мира.

В. Н. Аксюта

ИЗ ИСТОРИИ ТЮМЕНСКОЙ ШКОЛЫ — ИНТЕРНАТА № 1

Школа — интернат № 1 была открыта в мае 1957 года по распоряжению Тюменского обкома партии, после XX съезда КПСС, на котором было определено, что школы — интернаты наиболее эффективно способствуют формированию гармонически развитых, сознательных людей, активных строителей коммунистического общества¹. Школа разместилась в бывшем здании обкома КПСС по улице Луначарского № 2 (ныне ТюмГАСУ).